УДК 340.115

ПОПОВ Е.А.

Нормативная методология в современной юридической науке

Нормативная методология является ведущей в современной науке о праве. Она обладает определенными преимуществами и недостатками. Между тем главным недостатком является отдаление нормативной методологии от онтологического статуса права. Это в целом обедняет нормативный ракурс исследования правовой системы. Данный аспект рассматривается в настоящей статье.

Ключевые слова: методология, нормативный подход, ценности, онтология, мировоззрение.

Для любой области знания сегодня особое значение приобретает методологическая определенность и выдержанность тех традиционалистских позиций, которые на протяжении длительного времени определяли вектор исследовательского поиска в том или ином направлении. Современная юридическая наука, как нам кажется, в наибольшей степени предрасположена, с одной стороны, сохранить приверженность апробированным и верифицированным методологическим подходам в изучении правовых феноменов, явлений и процессов, но, с другой стороны, для нее характерен поиск совершенно новых способов получения нового знания. Вместе с тем по-прежнему юридическое знание ориентировано на преимущества нормативной методологии, хотя она, на наш взгляд, не в полной мере удовлетворяет прежде всего онтологическому ракурсу в оценке социально-правовых явлений и отношений. В этом случае можно говорить о некоем кризисе, постигшем нормативную методологию в правовой науке.

Кризис подстерег современное знание о праве, казалось бы, там, где этого не должно было случиться по определению. Развитие юридической науки, как известно, традиционно полагалось и собственно продолжает полагаться до сих пор на важнейший методологический подход, который на протяжении длительного времени совершенно не давал повода усомниться в его эвристической значимости и ценности для исследователя, занимающегося проблематикой права в самом широком смысле слова. Речь, разумеется, идет о нормативном подходе. Суть его вполне очевидно дает возможность получения нового знания в юриспруденции, поскольку во главу угла ставит непреложную для любого ученого-правоведа истину о доминировании нормы права абсолютно во всех сферах отношений человека, общества и государства. Возникающие в этих случаях правоотношения анализируются и обобщаются в научном плане сквозь призму такого нормативного превалирования. Обычно в процессе исследования появляется необходимость возведения той или иной нормы права в систему тех или иных взаимодействий или определенный научный дискурс. Чаще всего и в этой ситуации, когда исследователь вводит нормы права в широчайший контекст ценностных, идеологических, социально-исторических, политических или иных явлений, ему все же никак не удается избежать признания за нормой права лидирующего положения. Между тем с точки зрения философской рефлексии скорее ценности имеют решающее значение в формировании стереотипов поведения человека в обществе, чем устанавливаемые законом юридические нормы. Так или иначе, но игнорирование подобной

диспозиции не позволяет на должном исследовательском уровне достичь результатов, которые не вызывали бы сомнения в их научной значимости. Следует особо подчеркнуть, что методологическая рефлексия именно в юриспруденции ни в коем случае не должна замыкаться на линии построения все новых и новых правовых норм, – их перепроизводство на самом деле направлено скорее на оправдание исключительно правотворческой деятельности соответствующих органов власти.

Размышления о роли нормативного подхода в развитии современной юридической науки не могут обойти стороной ставший вечным спор о методологическом самоопределении гуманитарных отраслей знания. В случае с юриспруденцией вопрос о ее квалификации как социально-гуманитарной науки не нуждается в дискутировании, но вместе с тем современное знание о мире, обществе и человеке претерпевает серьезное влияние разнонаправленных глобализационных процессов, которые, в свою очередь, не могут не сказаться и на особенностях развития юридической науки. По мнению некоторых исследователей, «проблема методологического самоопределения имеет существенное значение для любой науки. Особую остроту в XX–XXI вв. она приобретает в системе социогуманитарных дисциплин, многие из которых переживают своеобразный кризис самоидентификации. Данный кризис связан как с традиционным для наук о человеке и обществе «комплексом методологической неполноценности», возникшим на основе отождествления научной методологии с ее естественно-научными образцами, так и с многообразием новейших теоретико-методологических разработок, с эпистемологическим плюрализмом современного социогуманитарного знания, нередко граничащим с полным релятивизмом и невозможностью обосновать преимущества той или иной познавательной модели»[1]. Следует, правда, оговориться, что если речь идет о юридической науке, безусловно являющейся частью социогуманитарного знания, то доминирование в ее русле нормативного подхода как будто на первый взгляд стирает сложные и противоречивые методологические искания данной научной области. Устойчивость указанного исследовательского подхода является столь незыблемой, что на протяжении довольно длительного времени приводит ученых-правоведов всякий раз к очевидному выводу, согласно которому норма права беспредельно главенствует в череде сменяющих друг друга системных правовых явлений и феноменов.

«Комплекс методологической неполноценности» подстерегает юриспруденцию, как нам кажется, на другом пути: абсолютизация нормативноого подхода привела к реальному искажению самого научного аппарата в исследованиях. В этой связи по-прежнему не до конца остается понятной настойчивость некоторых авторов учебных пособий по юриспруденции смешивать некоторые научные атрибуты, которые являются основополагающими в исследовательской практике. К примеру, это касается определения предмета той или иной отрасли права. Так, предмет конституционного права России «охватывает две основные сферы общественных отношений: 1) охраны прав и свобод человека (отношения между человеком и государством); 2) устройства государства и государственной власти (властеотношения)»[2]. Подобный взгляд присутствует и в изложении авторов известного учебника Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина: «*Общественные отношения, регулируемые нормами отрасли права, в юриспруденции принято именовать ее предметом*»[3]. Эта тенденция, безусловно, обнаруживает себя и в других отраслях права. Между тем в общепринятом смысле любая научная отрасль должна четко дифференцировать как предмет исследования (науки), так и его объект. В этом заключается истинность логики научного поиска, с другой стороны, совмещение объекта и предмета или же их намеренное смешение не позволяет исследователю выделить общие сущностные черты явления либо феномена (*поле* объекта), а значит, в дальнейшем обнаружить закономерности их проявления в конкретной проблемной ситуации или среде (*поле* предмета исследования). Именно поэтому игнорирование объекта в рамках любой из отраслей современной юридической науки способно привести к *методологически неверному ходу.*

Как известно, круг общественных отношений настолько широк, что не перестает

интересовать социогуманитарное знание. Поэтому и социология, и история, и психология, и другие науки устанавливают свои приоритеты в изучении общественных отношений, допуская при этом возможность использования категории *норма* в характеристике субъектов и выстраиваемых ими концепций развития общественных отношений. Если использовать уже упомянутую конструкцию, содержащуюся в учебнике Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина, то в качестве *объекта* конституционного права России должен рассматриваться определенный круг общественных отношений, а *предметом* становится процесс нормативно-правовой регуляции этих отношений. К слову сказать, именно в таком ключе формулируется объект современных исследований по юридическим наукам, если брать во внимание авторефераты представляемых докторских диссертаций. К примеру, А.В. Мартынов указывает на то, что объектом его исследования «является комплекс общественных отношений, возникающих в связи с осуществлением административного надзора в России»[4]. Как видим, именно общественные отношения определенной направленности становятся в этом случае объектом исследования, что соответствует общим правилам оформления научного аппарата и в целом логике научного поиска. Вместе с тем совсем беспомощным на этом фоне выглядит попытка автора «оформить» методологическую основу исследования, которая в данном случае исчерпывается принципами и законами диалектики. Трудно сказать, насколько исследователю только этот ограниченный методологический путь позволит достойно реализовать авторскую задумку в соответствии с поставленными целями и задачами. Еще в более сложную ситуацию ставит себя автор другого диссертационного исследования Т.Н. Балашова, полагающая возможным использовать в качестве методологической основы для изучения конституционно-правового регулирования миграции «апробированные общенаучные и специальные методы познания»[5]. В данном случае используется широкий перечень действительно апробированных методов исследования – от диалектического до статистического. Вопрос в том, насколько адекватной общим тенденциям развития социогуманитарной науки является смешение методологических подходов и исследовательских методов и технологий, точнее, их принципиальное неразличение. Как известно, общепринятым положением в науке стало понимание под методологией исследования совокупности верифицированных или проверенных в течение определенного времени теорий и концепций, позволяющих на основе применения широкого круга общих и специальных методов и методик получить новое знание о некотором объекте или предмете, а также дополнить уже имеющееся знание и установить его системный характер, логичность, непротиворечивость и эвристичность. С одной стороны, суть научной методологии составляют теории и концепции, включенные в обширный научный дискурс, с другой же стороны, особое место в ее структуре занимают методы и приемы получения нового знания. Пренебрежение тем или иным важным звеном в логике исследования придает работе декларативный или описательный характер, не позволяет автору представить свое открытие как инновационное или новаторское в том самом научном дискурсе или контексте. Поэтому Т.Н. Балашова, видимо, понимая эти особенности, далее предусмотрительно заключает: «Применение указанных методов позволило исследовать рассматриваемые объекты во взаимосвязи, целостности, всесторонне и объективно, выявить определенные тенденции, сделать обобщения и выводы. При написании работы был использован междисциплинарный подход, который заключался в рассмотрении вопросов регулирования миграции как с позиций различных юридических наук (теории права, конституционного, административного, трудового права и др.), так и иных сфер гуманитарного знания»[6]. Междисциплинарный характер методологии исследования – понятие, само по себе нуждающееся в дополнительной рефлексии; оно в силу столкновения усилий различных научных областей, имеющих свои собственные методологические доминанты, склонно все же иметь больше противоречий, чем единства, в формировании научного контекста. Как нам представляется, в этом смысле ссылка на некий «междисциплинарный подход» способна

ввергнуть исследователя в еще более сложную ситуацию, поскольку ему все время придется «оправдываться» за всю социогуманитарную науку или «иные сферы гуманитарного знания», а не только за юриспруденцию.

Не позволяет в полной мере решать поставленные задачи и так называемая «комплексная методика научного познания», выступающая нередко в качестве методологической основы в диссертационных работах[7]. Кажется очевидным: убежденность в том, что именно «комплексная методика» позволяет «всесторонне исследовать правовые отношения...»[8], чрезвычайно обманчива. Если нормативный подход четко указывает направление научного анализа, определяя приоритет нормы права над другими нормами – ценностно-смысловыми комплексами и идеалистическими представлениями человека, то «комплексная методика» устанавливает иные приоритеты и требует от исследователя широкого социально-гуманитарного экскурса, что может еще больше отдалить его от изучаемого объекта. Из-за сложности указанной проблемы и необходимости ее решения как в границах конкретного правового предмета, так и в целом в системе юридического познания, все чаще следует признание того факта, согласно которому «в правовой доктрине, в теории права методология как специальный предмет выделяется редко»[9]. В действительности же такое отчуждение методологических принципов исследования в области юриспруденции по сути ставит исследователя в тупик, поскольку устанавливает иногда непреодолимую пропасть между правом, его нормой, правоотношением и социокультурной реальностью, эти явления и феномены порождающей. По-видимому, в современной юридической науке кризис нормативного подхода и вызван по преимуществу тем обстоятельством, что очевидное превалирование нормы права над повседневной жизнью, стремительно меняющейся, все же для целой сферы социогуманитарного знания представляется фантомным. Вместе с тем пренебрежение обоснованными методологическими принципами исследования, как нам кажется, для юриспруденции вовсе не свойственно. Так или иначе это обстоятельство подтверждается неослабевающим вниманием некоторых авторов и известных научных изданий к данной проблематике. К примеру, на страницах журналов «Государство и право», «Право и политика» неоднократно поднимались вопросы методологической ориентации современной юридической науки[10], правда, стоит оговориться: все чаще указанная область научных интересов актуализируется в начале XXI века, и это не случайно, поскольку для юриспруденции новейшего времени характерно осознание необходимости пересмотра некоторых методологических принципов или позиций, которые в целом исчерпали свой ресурс. Об этом, в частности, рассуждает Л.И. Глухарева, отмечая, однако, что возможность обеспечить дальнейший прогресс знаний и эффективность юридической практики сохраняется за постнеклассическим направлением в юриспруденции[11]. Это по крайней мере позволяет констатировать расширительное толкование многих ключевых для науки о праве понятий, в числе которых следует назвать и правовую норму. В.В. Толкачев связывает данное обстоятельство как с отказом от концепции «жестко (на уровне Основного закона) установленных и не менее жестко иерархизированных (Президент, Правительство, Парламент и т.п.) субъектов, в компетенции которых находится нормотворчество...», так и с процессом легитимации норм[12]. Но очевиден и другой факт: сфера правовой науки, развиваясь, следуя общенаучной тенденции полипарадигмальности знания, с исчерпанностью познавательного ресурса одних методологических принципов открывает преимущества других. По мысли В.Д. Филимонова, «новые условия общественной жизни порой приводят к тому, что предусмотренное нормой правило поведения полностью или частично теряет свою социальную справедливость. Несоответствие юридического содержания правовой нормы новой норме социальной справедливости обостряет заключенное в ней внутреннее противоречие. Правовая норма перестает эффективно регулировать общественные отношения»[13]. В этом смысле и нормативный подход в современной юридической науке становится все более неубедительным, поскольку утрачивает «эффективное регулирование» важнейших ценностно-смысловых, а также идеологических,

политических и иных сфер человеческого индивидуального и социального бытия. Вернее, длительное доминирование нормативного подхода привело к тому, что юриспруденция, «схватывая» прежде всего нормативные противоречия, практически никак не соотносила их с противоречиями жизненными, повседневными, иногда даже утилитарными, но все же составляющими важную сторону в существовании человека.

Особого внимания, как нам кажется, заслуживает вопрос и о включенности некоторых методологических позиций правовой науки в «цивилизационные проекты», характерные для социогуманитарной научной области и представляющие собой не что иное, как новые ракурсы восприятия мира, человека, общества, государства. С точки зрения некоторых исследователей, такие «проекты» не всегда оперируют категориями нормы, социальной справедливости, правовой ответственности и др., но по-прежнему направлены на регулирование общественных противоречий. Ф.М. Раянов, например, считает, что, «будучи составной частью обществоведческой науки, юридическая наука... должна находиться в здоровой оппозиции по отношению к действующей государственной власти»[14]. Понятно, что такое положение вещей не совсем соответствует статусу науки, а скорее характеризует определенный факт общественных отношений, но сквозь призму нормативного подхода очевидна мораль – юридическая наука более оперативно способна заполнить ниши в системе права и предложить тем же органам государственной власти действенные способы преодоления конкретных противоречий. Вместе с тем и социогуманитарная сфера познания испытывает противоречия методологического плана и потому с трудом выстраивает свои «цивилизационные проекты», – «многомерная социальность как сложная динамическая форма не схватывалась имеющимися познавательными средствами. Концепции социального и коммуникативного действия исчерпали свои методологические ресурсы»[15]. Как видим, в аналогичных условиях сложных и полных противоречий методологических исканий оказываются и современная юридическая наука, и область знаний о социальной реальности. И если для первой вектор поиска направлен в социокультурное пространство – в мир ценностей, идеалов, традиций, к национальной идее и т.д., а не исключительно к утверждению тех или иных норм права, то для второй – к таким «цивилизационным проектам», которые очеловечивают окружающую реальность, сохраняют элементы духовного в ней.

---

[1] Коростелёва О.Т. Особенности становления гуманитарной методологии в социологической науке. Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Барнаул, 2006. С. 3.

[2] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 6-е изд., изм. и доп. М., 2007. С. 17.

[3] Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: Учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 6.

[4] Мартынов А.В. Административный надзор в Российской Федерации: теоретические основы построения, практика осуществления и проблемы правового регулирования. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук // http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=11330

[5] Балашова Т.Н. Конституционно-правовое регулирование миграции в современной России: проблемы теории и практики. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук // http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=11327

[6] Балашова Т.Н. Указ. источник.

[7] См. об этом: Алимов С.Ю. Конституционное и законодательное обоснование прав ветеранов и участников боевых действий в Содружестве Независимых Государств. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук // http://vak.ed.gov.ru/ru/dissertation/index.php?id54=11281

[8] Алимов С.Ю. Указ. источник.

[9] Бачило И.Л. О методологии и юридической технике законотворчества // Государство и право. 2006. № 6. С. 14.

[10] См.: Глухарева Л.И. Методологические аспекты развития теории прав человека // Государство и право. 2006. № 3; Толкачев В.В. Методология исследования коррупционных отношений в контексте современной теории права // Государство и право. 2006. № 7; Алпатов А.А. Проблемы научного исследования права // Право и политика. 2009. № 10; Костенко А.Н. Социальный натурализм как методологический принцип юридической глобалистики // Право и политика. 2009. № 5 и др.

[11] Глухарева Л.И. Указ. соч. С. 15.

[12] Толкачев В.В. Указ. соч. С. 18.

[13] Филимонов В.Д. Норма права и ее функции // Государство и право. 2007. № 9. С. 8.

[14] Раянов Ф.М. Матрица правового государства и наша юридическая наука // Государство и право. 2006. № 8. С. 48.

[15] Кемеров В.Е. Меняющаяся роль социальной философии и цивилизационные проекты // Вестник Российского философского общества. 2005. № 3. С. 27.